

**ПОЧЕМУ ЗАПРЕТ
НА РАЗРАБОТКУ
РОССЫПЕЙ
В КИТАЙСКИХ
ПРОВИНЦИЯХ ПРИВЕЛ
К ЭКСПОРТУ
«ГРЯЗНЫХ»
ТЕХНОЛОГИЙ
В РОССИЮ**

РЕКИ ГРАНИЦ НЕ ИМЕЮТ

Более века (с 1880 года) Маньчжурия была основным районом золотодобычи в Китае. В 1985 году на 11 приисках работало 58 драг и 3 гидравлических разреза, которые принесли более 6 т золота. После этого, по официальным данным, добыча вышла на плато. В 2000 году в провинции было добыто 5,4 т золота, в том числе 2,6 т из россыпей. В то же время статистика не отражает объемы нелегального производства, пик которого, вероятно, пришелся на 80–90-е годы.

Чтобы ввести ситуацию в рамки закона, администрация провинции Хейлуцзян в конце 1988 года приняла «Правила управления и охраны при золотодобыче», определив строгий порядок регистрации артелей и установив запрет на индивидуальное старательство. Было предписано ограничить площади, нарушаемые в ходе добычи, и представить планы рекультивации. Однако ответственность за несоблюдение этих правил не была установлена достаточно четко. В результате добыча продолжалась еще десять лет, и чем беднее были оставшиеся россыпи, тем больше расплозились прииски, тем мощнее были драги и гидромониторы, дабы не снизить объемы добываемого золота.

По оценкам китайских авторов, россыпная добыча оказала резко негативное воздействие на природную среду. В провинции Хейлуцзян площадь техногенных отвалов на 700 реках и ручьях составила ▶

Гуо Юмин
Доктор биологических наук,
профессор, Пекинский
лесохозяйственный
университет

Евгений Симонов
Доктор охраны природы,
Коалиция «Реки без границ»
и Тихоокеанский центр
защиты окружающей среды

Интеграция России в Азиатско-Тихоокеанский регион предполагает, наряду с развитием торговли и взаимных инвестиций, гармонизацию стандартов и правил охраны природы. Россияне привыкли считать, что по сравнению с азиатскими соседями они располагают лучшими условиями среды обитания и более надежными механизмами ее защиты. На проверку же оказывается, что страны Азии нередко выбирают такие направления природопользования, которые гораздо лучше совместимы с экономическим развитием, при этом обеспечивают не только сохранение, но и восстановление окружающей среды, затронутой хозяйственной деятельностью.

В связи с этим заслуживает внимания международный проект «Золотой журавль–золотые реки», получивший поддержку британского Фонда Уитли и Всемирного фонда охраны природы. Он инициирован экологами из Китая, России и Монголии для подробного анализа истории и перспектив добычи россыпного золота, которая широко распространена в Северо-Восточной Азии. В значительной части эта деятельность тяготеет к заболоченным долинам горных рек – местам гнездования черного журавля (*Grusmonacha*), являясь одной из самых серьезных угроз его выживанию. На первом этапе проекта проведена оценка последствий россыпной добычи на основе дешифровки космических снимков и полевых исследований, а также выполнен анализ истории золотодобычи в России, Китае и Монголии. В данной статье речь пойдет о причинах, побудивших власти КНР пойти на полное прекращение добычи россыпного золота в лесах Китая.

70 тыс. га. Были уничтожены в огромном количестве пойменные комплексы, болота, луга, лесные районы. В Большом и Малом Хингане добыча привела к крупномасштабной эрозии почв, заиливанию нижележащих водотоков и сильному загрязнению вод. Долины лесных рек на протяжении десятков километров изменились до неузнаваемости. Устрашающим примером стала речка Тайпингоу, погубленная за столетие золотодобычи. Другие реки – Улага, Хума, Цзяин, Вума, Мохэ – также несут многочисленные следы разрушительной деятельности артелей. Присутствие пришлых рабочих в некогда недоступных лесных массивах породило, кроме того, волну браконьерства, способствовало развитию незаконных заготовок древесины.

Поворотным моментом для китайского лесного хозяйства стал изданный 5 августа 1998 года Госсоветом КНР указ «Об охране лесных ресурсов и прекращении сведения лесов, разрушения почвенного покрова и неупорядоченного использования лесных земель». Среди прочих мер указ предписывал провести инвентаризацию нарушений, выбрать из них ряд крупных и на этих примерах организовать показательное разбирательство с наказанием виновных. Хотя о добыче россыпного золота в этом документе напрямую не говорилось, она закономерно попала в число наиболее вредоносных воздействий, которые предстояло искоренить. Указ Госсовета вышел в год больших наводнений в Китае. Ущерб от них оказался тяжелее потому, что растительность в речных долинах была уничтожена, а потоки воды, смывавшие старые отвалы в местах золотодобычи, превращались в сели.

Поскольку китайский народ привык ко всякого рода кампанейщине, важно было дать понять, что на этот раз дело идет о долговременной политике. В 1999 году Госсовет рассылает телеграммой указание, что любое незаконное использование земель должно быть расследовано и виновные сурово наказаны. Власть действует не только кнутом, но и пряником. Стартует первая очередь «Национального проекта по охране естественных лесов», устанавливающая порядок получения субсидий

на каждый гектар естественных экосистем, которые содержатся в должном режиме охраны. Понятно, что территории, где велась добыча россыпного золота, этим требованиям не удовлетворяли. Таким образом, лесоуправления, допустившие старателей на свою территорию, ощутили потерю на собственном бюджете. Позднее, в 2005 году, Госсовет издал специальный указ «Об упорядочении горной добычи», установив прямую ответственность для руководителей предприятий, ведущих незаконную добычу металлов, и дал местным властям двухлетний срок на приведение горных работ в соответствие с требованиями законов.

Последовательная природоохранная политика принесла свои плоды. Летом 2002 года правительство провинции Хейлунцзян опубликовало план прекращения добычи россыпного золота и устранения экологического ущерба. Предусматривалось, что в течение двухлетнего периода артели будут ликвидированы, а их персонал перейдет к иным видам деятельности. Вводились новые временные правила золотодобычи. Все золотоносные участки были разбиты на три зоны: запретные (где добыча могла нанести невосполнимый ущерб), подлежащие рекультивации и, наконец, те, где на какое-то время разрешалось продолжать добычу. Отменялись все действующие лицензии. Взамен выдавались временные разрешения на отработку участков, где еще допускалась добыча россыпного золота. Причем после сентября 2002 года даже такие разрешения уже никто не мог получить. Любые виды нелегальной деятельности жестко пресекались.

План принимался по предложению префектуры Хэйхэ, которая соседствует с Амурской областью РФ, и призван был покончить с золотодобычей в Большом Хингане в течение двух лет. Однако его выполнение растянулось на семь лет. В апреле 2006 года правительство провинции даже вынуждено было издать указ об «Экстренных мерах по полному искоренению добычи россыпного золота».

В рамках государственной политики гораздо решительнее начали действовать уездные и окружные власти. Они пресекали работу наиболее одиозных (обычно не местных) артелей. Одной из первых стала масштабная операция, проведенная в мае 2002 года в уезде Айхуй (префектура Хэйхэ) с участием 60 полицейских на 16 машинах и 2 вертолетах. В ходе «зачистки» 15 поселков старателей было задержано около 10 тыс. нелегалов и 533 единицы золотопромышленного оборудования.

В 2005 году официально завершился установленный период «конверсии золо-

тых артелей» в Большом Хингане. По всей провинции проводились войсковые операции. Было ликвидировано 76 лагерей золотодобытчиков, изъято и отправлено в металлолом 237 драг. Организовать перекалфикацию местных старателей было сравнительно легко, поскольку в каждом из главных золотоносных уездов их насчитывалось не более 1500–2000 человек. Счет же выдворенных рабочих-мигрантов, преимущественно выходцев из южного Китая, шел на тысячи. Большинство вернулось к себе домой. Однако часть из них подалась на север – в Россию, и на запад – в Монголию.

В результате зачистки приисков на реке Цзяин (приток Амура напротив р. Помпеевка в Хинганском ущелье) и ряде других в префектуре Хэган в Еврейскую автономную область переместились два китайских предприятия: ООО «Синда», которое осело на некогда лососевой реке Туловчиха, и ООО «Синь-Линь», закрепившееся на таежной реке Березовка. Они выиграли аукцион, получили горный отвод и лицензию на разработку месторождений, завезли около 30 малолитражных драг – тех самых, которые превратили в лунный ландшафт правобережные притоки Амура и были запрещены в КНР как «экологически опасные орудия». Помимо этого на российскую территорию проникали нелегалы. В 2005–2009 годах природоохранным службам и жителям Октябрьского района пришлось выпеснить из тайги непрошенных гостей, а пограничникам добавилось работы по вылавливанию «несунов», переправляющих золото через Амур.

Тем временем на китайском берегу местное население методом народной стройки осуществило биологическую рекультивацию долины реки Тайпингоу. В специально завезенной почве были высажены молодые кедровые, в бывших отстойниках развели лягушек. В 2011 году в назидание нынешнему и будущим поколениям в этом районе был открыт тематический парк, рассказывающий о том, как на протяжении столетней истории добычи россыпного золота ей сопутствовали хищнические методы, уничтожавшие природу, и пороки, разрушавшие человеческую личность, – курение опиума, азартные игры и т.д.

С 1998 года государство начало выделять существенные средства на рекультивацию, понимаемую как возвращение пустошам растительного покрова и каких-либо полезных функций. Нам известно, что в уезде Синьчин затраты на три локальных проекта рекультивации составили соответственно 24, 7 и 3 млн юаней (1 юань – 4,5 руб.). К началу 2011 года в этом уезде

было рекультивировано 59 из 90 км², нарушенных золотодобычей.

Финансирующие агентства предъявляют жесткие стандарты проведения рекультивации, которые далеко не всегда соответствуют представлениям об оптимальном восстановлении экологического баланса, но позволяют получать заметные результаты. В основном территория бывшего прииска выравнивается бульдозером, затем на ней после должной подготовки высаживают либо сельскохозяйственные культуры, либо быстрорастущие деревья и кустарники. Так, на некультивированном участке долины р. Улага, который нам довелось посетить, приятно удивили продуктивные соевые поля и сильно разочаровали попытки восстановить «естественную лесную растительность». Отсюда можно сделать вывод, что масштабные проекты рекультивации обеспечивают занятость местного населения, рост сельхозпроизводства, но не ведут к восстановлению полноценных водно-болотных и лесных экосистем в долинах рек.

В 2008–2009 годах вооруженная полиция выгнала из лесов остатки нелегальных артелей. Последним оплотом незаконной золотодобычи оставался лесхоз Вума на самом севере Большого Хингана (Внутренняя Монголия), граничащего с Забайкальским краем. Этому промыслу благоприятствовала бесконтрольность в условиях почти полного отсутствия населения и представителей правоохранительных органов и попустительство лесохозяйственных чиновников, получавших свою долю прибыли от преступных группировок. Но тут кому-то из лесников пришлось в голову подзаработать на государственных субсидиях. Они предложили создать в этом районе национальный природный резерват для охраны «нетронутых лесов». Однако государственная оценочная комиссия констатировала факт «деградации ландшафта в результате варварской золотодобычи». Проблема получила огласку, и на ликвидацию приисков были направлены военные отряды.

В 2009 году Гослесслужба КНР издала «Указание об усилении контроля за горными работами на лесных землях в северо-восточном Китае», запрещавшее выдачу разрешений на любые виды геологоразведки и добычи полезных ископаемых «в природных резерватах, лесных парках, территориях с уязвимыми природными комплексами и иных ценных природных территориях». Этот документ также описывал правила рекультивации силами горнодобывающих фирм на любых других лесных территориях. Таким образом, закономерно был поставлен вопрос не только

о запрете добычи золота из россыпей, но и об ограничении в пределах природных территорий других видов горных работ. В последние четыре года в КНР все настойчивее звучат требования усилить контроль за добычей рудного золота, поскольку рудники и обогатительные фабрики также становятся источниками токсичного загрязнения.

Интересно обратить внимание на важную особенность описываемой государственной политики охраны экосистем. Она не стремится определить полный перечень требований, запретов и наказаний за нарушения, а, скорее, постулирует желаемый результат, оставляя местным властям свободу интерпретации, какие именно действия наносят ущерб и каким образом они должны пресекаться. В сферу лесоохранной политики попали и такие очевидные нарушения, как незаконные рубки, застройка лесных участков, раскорчевка лесов под распашку и др. Но именно старательская золотодобыча вышла на первое место по перевесу отрицательных последствий над немногими экономическими выгодами и потому подверглась полному и решительному искоренению. О каких же отрицательных факторах этой деятельности идет речь?

Во-первых, в конце XX века добыча россыпного золота с ее масштабами и применением тяжелой техники стала одним из самых разрушительных видов природопользования в горно-лесных районах Северо-Восточной Азии. Она подрывает водные и лесные экосистемы и особенно сильно воздействует на речную сеть. Восстановление нарушенных природных комплексов идет очень медленно, и часто полный возврат их в естественное состояние невозможен в связи с изменениями геоморфологии долины. При этом на единице площади разрушенных экосистем добывается все меньше золотого песка, поскольку богатые россыпи давно отработаны.

Во-вторых, появилась очевидная альтернатива: основные объемы золота стала давать добыча из руд. Благодаря разработке рудных месторождений общая добыча золота в КНР достигла в 2012 году рекордного уровня – 403 т. Хотя рудники и обогатительные фабрики тоже наносят определенный урон природе, они занимают несравнимо меньшие площади и лучше поддаются экологическому управлению и контролю.

В-третьих, жители горных районов отрицательно относятся к золотодобытчикам, хотя многие из них сами принадлежат к той же профессии, нередко в третьем и в четвертом поколениях. Им все тяжелее видеть развороченные бульдозерами до-

лины, пользоваться водой из мутных рек, опасаться за жизнь и имущество, которым угрожают промышляющие по окрестностям отряды старателей-чужаков. В результате добыча россыпного золота была признана в Китае социально неприемлемым видом деятельности, причем остановить ее было значительно проще, чем покончить с другими видами незаконного вмешательства в природу – браконьерством, нелегальной рубкой леса или распашкой лугов.

В-четвертых, современная политика китайского государства направлена на инновационное «зеленое» развитие, что предполагает изменение структуры хозяйства: перенос усилий с добычи сырья на производство конечных продуктов (мебели, лекарств или продуктов питания), услуг (туризма) и воспроизводства важнейших экосистемных функций. Собственно, эти цели преследует новая десятилетняя программа «Охрана природы и модернизация экономики лесных районов Большого и Малого Хингана 2010–2020». Проблема старательства рассматривается в ней в единственном ракурсе: «скорейшее восстановление растительности на пустошах, оставшихся от добычи россыпного золота». Законодательно ее никто не запрещал, но по факту она уже не рассматривается как допустимый вид деятельности.

Конечно, вероятность возникновения мелкомасштабной добычи россыпного золота полностью не исключена. Некие самодельные старатели где-нибудь на далеких ручьях в малонаселенной местности могут на свой страх и риск попытаться удачу. Но не приходится сомневаться, что в случае обнаружения таких приисков они встретят жесткую реакцию общества и властей и будут ликвидированы. Похоже, китайское общество окончательно решило для себя вопрос, что дороже – чистые ручьи и реки или золото, ими приносимое. ■

Более подробно проблема описана в книге «Золотые реки» (Золотые реки: выпуск 1 / Амурский бассейн <http://www.wwf.ru/resources/publ/book/686>)